

ЧЕТЫРЕ спектакля Государственного театра для детей и юношества Казахстана, показанные на кремлевской сцене в Москве, — работы разные по теме, драматургическому письму и режиссерскому почерку. Но есть в них нечто общее, что позволяет назвать эти постановки спектаклями одного театра не по формальному признаку, а по существу: это общее — поэтическое чувство и публицистическая острота, которые свойственны всем постановщикам — и главному режиссеру казахской труппы Мен Дон-Уку, и руководителю русского коллектива Г. Жезмеру, и молодому выпускнику режиссерского отделения Казахского института искусств имени Курмангазы В. Пусурманову.

Естественно, что поэзия и публицистика существуют не параллельно, а в органическом слиянии, и поэтому вернее будет сказать, что спектаклям, о которых пойдет речь, присущи публицистическая поэтичность и поэтичная публицистика... Это сочетание — результат сознательного стремления театра обратить внимание своих молодых зрителей на те проблемы — политические, общественные, моральные, в решении которых они сами — и как художники, и как граждане — активно заинтересованы.

СПЕКТАКЛИ «Первые искры» Ш. Хусаинова — рассказ о комсомольском вожаке туркестанской молодежи Гани Муратбаеве (его играет А. Кенжеков) и «Девятая симфония» — о Николае Островском — посвящены пятидесятилетию Советской власти. Их объединяет и атмосфера раннего периода становления молодой Советской страны, и типическая схожесть биографий героев; даже драматургические достоинства и недостатки этих произведений похожи: интерес этих пьес заключается не в зафиксированном в событиях сюжете, не в психологической разработке образов, а в высокой патетике прославления человека, при всех обстоятельствах остающегося борцом, человека-победителя, обретающего бессмертие в борьбе следующих за ним... Эти особенности драматургии и продиктовали, наверное, таким разным режиссерам, как Мен Дон-Ук и Жезмер, желание решать спектакли в форме музыкально-литературных композиций: «марш-песня о юности наших отцов» — так определяется в подзаголовке жанр спектакля «Первые искры», как песня задумана и «Девятая симфония». Постановщики вдумчиво развивают заложенную в пьесах мысль о связи и преемственности поколений, когда из поколения в поколение передается не только величайшая идея нашего века, но и все возрастающий накал борьбы за нее, борьбы, в которой опыт молодых непрерывно пополняется опытом уходящих, а содержание борьбы — требованиями времени, в котором они живут.

В «Девятой симфонии» Жезмер, раскрывая эту мысль, пользуется и таким откровенно публицистическим приемом, как обращение к молодым нашим современникам, в той или иной степени повторившим подвиг Николая Островского, например к безрукому шахтеру Владиславу Титову, который также сделал своим союзником творчество и, написав книгу с помощью зажатого в зубах карандаша, вышел победителем из этой жестокой схватки; вмонтированные в спектакль стихи М. Светлова, И. Уткина, Р. Рождественского, Э. Асадова, О. Сулейменова — это не только поэтические «мостики», связывающие между собой отдельные, большей частью фрагментарного характера сцены; это и поэтическое раскрытие содержания предшествующего эпизода или поэтическое предвидение будущих. Эта поэтичность переключает советских стихотворцев разных поколений

подчеркивает органическую духовную связь самого Островского и других героев спектакля и с защитниками Мадрида, и с молодоговардейцами, с Юлиусом Фучиком и Сикейросом — со всеми, кто посвятил свою жизнь борьбе за мир и справедливость и раскрывает общность истоков их героизма.

Для раскрытия идентичных мыслей и идей в спектакле «Первые искры», удостоенном премии ЦК комсомола республики, режиссер Мен Дон-Ук охотно и успешно пользуется пластическими выразительными средствами, что, на мой взгляд, характерно для казахского театрального искусства; образом спектакля становится молодой че-

Пьеса лишена бытовой конкретности. Действующие лица — это обобщенные образы Солдата, Капитана, Матери, Девушки... «Поэтическое представление» — таково жанровое определение спектакля. И действительно, символы и образы спектакля очень поэтичны, хотя и несколько традиционны: Чайка — символ чистой и трагической любви — связана с образом Девушки-цветочницы, образом необыкновенно женственным, как бы впитавшим в себя нежность и аромат цветов. Гитара, как бы хранящая в себе звуки песен погибшего в море отца Девушки; гитара как залог верности и любви отдает Девушка Солдату, и он увозит ее на войну как талисман,

терные подробности создания образа, не темперамент того или другого исполнителя, а некая сумма коллективного мастерства и таланта, складывающаяся из мастерства и одаренности каждого участника.

К сожалению, градус накала страстей у некоторых актеров много ниже того, что требуют представленные на сцене события и характер участников этих событий. А кое-кому не хватает и мастерства для выражения этих качеств на уровне, свойственном прообразам героев спектакля, да и литературный материал не всегда находится на высоте поставленных перед актерами задач... Как бы то ни было, но я обязана напомнить, что театральная публицистика перестает быть искусством, если она не поддержана горением живой мысли актера, страстью его души, силой его чувства...

Случается, что в «Девятой симфонии» актеры «теряют состояние», оно вдруг выходит из них, как воздух из лопнувшего воздушного шарика, и они начинают играть какой-либо эпизод или читать стихи в середине спектакля так, словно спектакль только начинается, и вместо того чтобы двигаться вверх по эмоциональной кривой (спектакль уже движется к апогею), вдруг теряют свое самочувствие, и все опять начинается с эмоционального нуля...

Николай Островского играл А. Павловский, с четырех репетиций заменивший скорострительно скончавшегося исполнителя. И вполне естественно в этих обстоятельствах недоработанность роли актер пытался восполнить активными эмоциональными наступлениями на партнеров и зрителей, причем эта эмоциональность чаще всего была эмоциональностью чисто внешней... Однако работа Павловского заслуживает уважения как пример профессиональной товарищеской помощи коллективу.

Наши гости показали на гастролях три превосходные актерские работы — это Ильяс — Ч. Зулхашев, Асель — М. Жаксымбетова и Хадиша в исполнении Р. Аширбековой («Тополек мой, в красной косынке»). Зулхашев, внимательно проанализировав диалектику образа своего героя, сумел показать противоречивые черты характера Ильиаса и доминирующее над всем чувством к Асели... Сцена ночного свидания в горах, когда счастливый взаимностью, влюбленный Ильяс призывает в свидетели своего счастья и звезды, и небо, и горы, и всю родную ему природу, превосходна по силе чувств и яркости их выражения.

Жаксымбетова — актриса большого обаяния, ее героиням свойственны душевная чистота, искренность и какая-то горделивая скромность: может быть, именно в Асели Жаксымбетовой воплощается национальный идеал женственности?.. Однако полезно, вероятно, занимать эту актрису в ролях, требующих не только обаяния и лиричности, — исполнение ею роли Девушки («Девушка и Солдат»), например, очаровывает, но вызывает некоторое опасение повторения в использовании выразительных средств и интонационных красок.

Если же говорить о психологической разработке образа, то первое место, пожалуй, здесь принадлежит Аширбековой (Хадиша).

ТЕАТРАЛЬНОЕ искусство Казахстана достигло сейчас таких успехов, что не нуждается в специально-покровительственной «гастрольно-постовой» критике. Поэтому я поделилась своими впечатлениями о гастрольном театре для детей и юношества, искренне радуясь его успехам, но и не закрывая глаза на недостатки, преодоление которых, я уверена, вполне доступно этому коллективу.

Н. РУМЯНЦЕВА

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ПОЭТИЧНОСТЬ И ПОЭТИЧНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

ловек, через все испытания — борьбу с вражескими пулями, нуждой, неграмотностью, через все победы — над врагами, голодом и невежеством — марширующий в будущее.

СЕЙЧАС, когда я видела уже не один спектакль Мен Дон-Ука (и не только в театре, гастролировавшем недавно в Москве), можно бы попытаться определить характерные черты художественной индивидуальности этого режиссера. Но рассматривать творчество Мен Дон-Ука в отрыве от общей театральной жизни Казахстана, на мой взгляд, почти бесполезно, и поэтому к разговору об этом очень своеобразном, темпераментном и волевом художнике я вернусь в статье о театральной Алма-Ате. Москвичи же, побывавшие на спектакле «Тополек мой, в красной косынке», вероятно, убедились, что Мен Дон-Ук вслед за Чингизом Айтматовым талантливо и ярко выступил на стороне тех, кто верит: истинная любовь посещает человека однажды, и если человек не сумеет ее оберечь, то на всю жизнь останется с ним печаль о потерянной мечте... Печаль эта навсегда остается с героем пьесы Ильясом, легкомысленно разрушившим свое счастье, печаль не покинет и чистого сердца ни в чем не повинной Асель, печаль навсегда поселилась и в душе Хадиши, чья настойчивая женская любовь не смогла, однако, победить неповторимое чувство Ильиаса к Асели.

«Асель — мечта моя» — так называется казахский вариант пьесы, что, по-моему, очень соответствует светлому и поэтическому звучанию спектакля. И сейчас, когда так часто видим мы на сцене «романы без романа», любовь «без черемухи», эта прелестная грустная история, рассказанная естественно и лирично, приводит нас к мысли, что верность и чистота — неперемные условия истинного и долговечного счастья.

ИЛЬЯС и Асель — наши современники и соотечественники — живут среди друзей и дружки расположенной к ним природы; любовь Девушки и Солдата в одной-именной пьесе А. Тажигаева (режиссер В. Пусурманов) родилась на улице большого западного города, «где люди не сочувствуют друг другу», вблизи «дома с красными фонарями». Но это тоже была прекрасная человеческая любовь, которую сжег огонь жестокой захватнической войны,

который сохранит его для жизни и счастья. Но поэзия здесь проникнута горячей публицистической мыслью, страстным протестом против войны. Гитара не спасает Солдата от смерти на вьетнамской земле; Девушка сходит с ума, узнав о гибели любимого, — ее цветы теперь годятся только на могильный веночек, все прекрасное, все живое гибнет в беспощадном огне жестокой войны...

Сатирический рисунок пантомимы (американские разбойники, как бы играючи, насмешливо улыбаясь, хихикая и пританцовывая, расстреливают мирных вьетнамцев) скуп, точен и выразителен, как политическая карикатура...

Разные побуждения привели американцев и американских наемников во Вьетнам: жажда славы, авантюристические наклонности или убеждение, что солдатам уготовано место в царстве небесном... Но все они — карьеристы, стяжатели, фанатики или обездоленные — все они бесславно гибнут вдали от родины.

Украденные часы, аванс, полученный в счет будущих кровавых заслуг, фляжка со спиртом — вот «трофеи», обнаруженные Солдатом, выполняющим приказ Капитана собирать документы у мертвецов. Это очень драматическая сцена, и опять в расположении мертвых фигур, заставших в каких-то очень неожиданных и в то же время правдивых позах, властно ощущается влияние изобразительного искусства...

«Пришедшие с мечом от меча и погибнут» — эта мысль — лейтмотив художественного несколько неровного (что в большой степени объясняется и неровностью литературного материала), но все-таки интересного спектакля.

НЕТ, Я НЕ ЗАБЫЛА о тех, кто для меня в театре дороже всего, — я сознательно отложила свои впечатления об актерах в самый дальний ящик этих заметок... Характер драматургии и вытекающие из этого постановочные решения спектаклей «Первые искры» и «Девятая симфония» (скандирующий хор, массовые сцены, пантомимы...) совершенно естественно привели к тому, что главным в спектакле стала не индивидуальность того или другого актера, не харак-

Сов. культ. шире, Москва, 1967, 16 Дек